

А. Б. Пермиловская

Культурное пространство Русский Арктики

«Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы № 0410–2014–0027

«Состояние и использование биоресурсов в контексте оптимизации природопользования, обусловленного историко-культурными и этносоциальными процессами на Европейском Севере и в Арктике»

В статье проведено исследование этнокультурного пространства арктических территорий Русского (Европейского) Севера. В основе работы – эмпирический полевой материал по обследованию поморских поселений, расположенных на побережье Белого моря, в дельте рек Северной Двины, Мезени, Онеги, архивные источники. Арктика, с ее сохранившейся историей и культурой, является мировой сокровищницей технологий и практик устойчивого развития. Поморы – это русскоязычная группа этноса, заселившая с XII в. берега Белого и Баренцева морей. Поморы выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера. Поморская культура – русский вариант морской культуры в Арктике. Формирование русского социокультурного пространства связано с особенностями материальной и духовной культуры этноса, отражением коллективной ментальности, соотносясь с культурными смыслами православной картины мира, воплощенными в народной культовой архитектуре Поморья. Целью данного исследования является выявление и изучение памятников культовой архитектуры, которая, по мнению автора, послужила фактором адаптивного механизма освоения и организации жизненного пространства и сакрального ландшафта Русской Арктики. Поморские храмы и кресты выполняли не только сакральную и защитную миссию, но и выступали навигационными знаками, которые были нанесены на лоцманские карты.

Ключевые слова: культурное пространство, Русская Арктика, поморская культура, культовая архитектура, храм, православие, старообрядчество, адаптация.

А. В. Permilovskaya

Russian Arctic Cultural Space

The article represents a research of the Arctic territories of the Russian (European) North. Archival sources and empirical field material on studying Pomor settlements located at the White Sea Coast and the Northern Dvina, Mezen, Onega Delta Rivers are the basis of the work. The Arctic with its remained history and culture is a world treasury of technologies and a sustainable development expert. The Pomors are the Russian-speaking ethnos group who occupied the White and Barents Sea Coast since XII century. The Pomor Culture is the Russian variant of the Arctic Sea Culture. The Russian sociocultural space formation is connected with material and spiritual culture of the ethnos's features, reflexing the collective mentality, corresponding with the cultural senses of the Orthodox picture of the world embodied in the Pomor folk cult architecture. According to the author's concept, the objective of this research is to reveal and study the cult architecture as an adaptive mechanism of development and organization of the Russian Arctic space and sacral landscape. Pomor churches and crosses carried out not only sacral and protective mission, but also acted as navigating signs, which had been put on pilot maps.

Keywords: cultural space, the Russian Arctic, Pomor culture, cult architecture, a temple, Orthodoxy, Old Belief, adaptation.

Арктика с ее сохранившейся историей и культурой являются мировой сокровищницей технологий и практик устойчивого развития. В течение длительного времени здесь проживали народы, развитие которых шло на принципах взаимодействия природы и общества в условиях очень хрупких, уязвимых экосистем, на биологически непродуктивной территории. В условиях жестких ресурсных и других экологических ограничений, когда ценой ошибки была, зачастую, жизнь человека или целого сообщества, народы Арктики обладали уникальными знаниями и выработали систему взаимодействия с природой, которую можно охарактеризовать как технологии устойчивого развития. Социокультурное пространство Арктики включает десятки малых этносов Севера и рус-

ский народ с их культурой, исторической связью времен, циркумполярной и евразийской цивилизациями; арктические артефакты, легенды и мифы, образ жизни, менталитет этносов, социокультурную среду – события и процессы, порождаемые активностью людей в ходе их совместной жизни. Интенсификация промышленного освоения Арктики ставит во главу угла вопросы сохранения уникальной северной природы, биологического разнообразия и самобытной культуры как коренных жителей арктических территорий, так и поморской культуры – русский вариант морской культуры в Арктике. Поморы (субэтнос) выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера, являющегося и по сей день границей ой-

кумены – пространства обитания человечества. В течение XVIII–XIX вв. сложилось представление о поморе как об особом типе русского человека, обладающего такими чертами характера, как предприимчивость, смелость, ум, независимость в делах и суждениях. Особый психический склад, «на который обращали внимание все люди, побывавшие на Севере, отличал поморов, как от жителей средней полосы, так и от северного крестьянина-земледелца» [2, с. 83]. Д. С. Лихачев так писал о Русском Севере: «Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песен и сказок, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось – только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения» [8, с. 409].

Крестьяне-земледельцы, пришедшие на Север из Новгородских и Ростово-Суздальских земель, сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создали своеобразную морскую культуру. Северные моря кормили поморов, именно Белое море в данных условиях сыграло структурирующую роль в этногенезе. Основные поморские поселения расположены вдоль побережья в устьях рек, впадающих в Белое море. В бассейне р. Мезень сформировались две большие этнографические группы русского населения: «поморы» и «поречане», главное различие между которыми было в ведении хозяйственной деятельности. Причем, если найти термин «поморы» в этнографической и исторической литературе не составляет труда, то термин «поречане» можно встретить только в редких дореволюционных изданиях [14]. Селения мезенских поморов находились не только на самом побережье, но и на значительном расстоянии от него – до 45 км и далее. Это было поморское население, более всего «запрятанное» на материке. Неслучайно многие мезенцы идентифицируют себя с поморами. «С детства помню: «В каждой избешке свои погрешки, в каждой избе свой погром, в каждой деревне свой обиход, а везде все наше поморское». Если постоянные жилища мезенских поморов располагались, как правило, на значительном расстоянии от морского берега, то временные жилища промыслового характера встречаются на обширном пространстве побережья и островов Белого, Баренцева и Карского морей. Данная ситуация характерна и для бассейнов рек Северной Двины, Онеги. Возможно, не случайно в XVI–XVII вв. весь Русский Север назывался

«Поморьем», «Поморским краем». Слово «помор» впервые появилось в 1526 г. в летописи: «Поморцы с моря Окияна, из Кандоложской губы» [7, с. 200]. В контексте понятия «Поморье» термин «поморы» получил тройственное значение: население, проживающее на территории Беломорского побережья от Онеги до Кеми, население всего Беломорского побережья, население Русского Севера [7, с. 317]. Современное Поморье в административно-территориальных рамках – это Архангельская, Мурманская области, НАО, Карелия, имеющие выходы к Белому, Баренцеву, Карскому морям [9, с. 101]. В контексте понятийного аппарата различают три основных группы арктического населения:

– *Коренные жители Севера* – это люди: родившиеся на Севере и постоянно проживающие там не менее одного поколения.

– *Коренные малочисленные народы Севера (КМНС)* – народы, проживающие на территориях традиционного проживания предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельным этносом.

– *Пришлое население Севера* (мигранты) – люди, приехавшие на северные территории для длительного или постоянного проживания и ведения хозяйственной деятельности, но родившиеся в районах с более комфортными природно-климатическими условиями.

Русские поморы принадлежат к первой группе – это старожильческое население, представители которого, наряду с КМНС, внесли весомый вклад в освоение Арктики [10, с. 286–287].

Формирование социокультурного пространства теснейшим образом связано с особенностями материальной и духовной культуры этноса, традициями оформления вербальной картины мира, отразившимися в народной архитектуре, ландшафтной этнотопонимике, сложившейся системе священных природных мест коренных народов Севера и рукотворных русских православных храмов Поморья. Специфика жизни русского человека в условиях Севера и Арктики формировала особый тип мышления и менталитета, опорой которому было православие. Старообрядчество было господствующей формой православия в Поморье. Среди поморов господствовала беспоповщина филипповского, федосеевского, даниловского согласия. На нижней Двине, Летнем и Поморских берегах находились старообрядческие молельни и скиты, наиболее известными в начале XX в. были Пертозерский, Амбурский, Лахотский и др. [2, с. 96].

Созидавая культурное пространство, человек воплощал свое понимание законов природы, видение мира, которое проявилось через феномены традиционной культуры, какими являются культовые сооружения. Архитектура, как известно, всегда социальна и исторически обусловлена [6]. Культовое деревянное зодчество – своеобразное ответвление русской архитектуры, впитавшее мировоззрение этноса и являющееся отражением традиционной картины мира русского народа. В Поморье получили распространение и сохранились до настоящего времени уникальные деревянные церкви всех типов. **Клетские:** Спасо-Преображенская, с. Ижма (1679), Рождества Пресвятой Богородицы, с. В. Золотица (1875) Приморский р.; Никольская, с. Ковда (XVII в.) Мурманская обл. **Шатровые:** Никольская, с. Лявля (1581); Никольская, с. Конецдворье (1704) Приморский р.; Успенская, с. Варзуга (1674), Успенская, с. Кемь (1711) Мурманская обл. **Кубоватые:** Вознесенская, с. Кушерека (1669); Владимирская, с. Подпорожье (1757) Онежский р. **Ярусные:** Андрея Первозванного, о. Большой Заяцкий, Соловки (1702), Приморский р. **Многоглавые:** Сретенская, с. Заостровье (XVII в.), Приморский р. и др. Архитектурно-художественные особенности храмов отражены в исследованиях автора [11, 12, 13].

Как и названия деревень, храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая, не случайно поморская поговорка справедливо гласит: «От Холмогор до Колы – тридцать три Николы». В образе святого Николая воплотились верования северян в своего русского и морского бога. В результате этого дни чествования Николы совпадали с народно-хозяйственным и промысловым календарем. В Поморье к ним приурочивались многие артельные обычаи и праздники.

Характерным явлением морской культуры Поморья было возведение *промысловых часовен*. Часовня как безалтарный храм предназначалась для упрощенного богослужения без литургии. Они строились в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах Белого и Баренцева морей. Об этом свидетельствует довольно большая группа документов с просьбами поморов о разрешении или освящении уже построенной часовни: «О самовольной постройке часовни крестьянами в Тиманском приходе на устье реки Пешы», «По прошению крестьянина Попова построить часовню при морской тоне

«Татарниха», «О самовольной постройке часовни в с. Койда Мезенского уезда» [3] и др.

В одной из них по результатам обыска, проведенного становым приставом, приводится описание часовни на тони в Тиманском приходе в устье р. Пеша. Тоня состояла из четырех построек и располагалась в двадцати верстах от жилья. «*Старая, по-видимому, часовня развалившаяся, при ней амбарчик, как нужно полагать, для соления рыбы. На нижней полке иконы и к ним – свечи, на окошке – ручная кафельница. На полу – деревянный ящик с углями, у другого окна – стол в виде аналая. На полках – семь ковриг черного хлеба и одна рыба, видимо, для промышленников, заблудившихся, или заставших непогодой*» [4]. Часовня была построена крестьянами во имя святителя Николая. Она стояла незапертой, чтобы быть доступной для всех желающих помолиться. Для поддержания часовни промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла, покупали свечи на ярмарках в Пинеге и раздавали артели промысловиков. Причины строительства часовен поморы объясняли следующим: «*Мы, отправляясь с сего места в открытое море для звериных, морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность помолиться и попросить у Господа помощи о благолепном плавании среди льдов, о промысле, как единственном средстве добыть себе насущный хлеб... и успешном возвращении к своей семье*» [5].

На побережье Белого и Баренцева морей, на островах, в местах рыбного, зверобойного промыслов, были установлены деревянные кресты. Поморы возводили кресты на промысловых становищах, тонях, в поморских деревнях. Деревянные кресты – это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культуры, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. В поморской лоции XVIII в. встречаются такие описания: «*Святой Нос, на коем много крестов*», «*В реке Коле, на левой руке на наволоке крест*». На Мурмане промышленники у своих становищ ставили кресты и каменные груды, которые служили ориентирами и маяками. У поморов существует поговорка: «*Кто в море не бывал – тот Богу не молился*». Постоянные опасности, тяжелые условия жизни и промысла способствовали особому напряжению религиозного чувства и вызывали потребность обращаться к Богу с молитвой о помощи и защите. Кресты использовались для символического структурирования территории и выделения в ней мест с сакральным смысловым

наполнением. В Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражает особые условия жизни, является и в XXI в. центром окружающего ландшафта, выполняя защитную и сакральную миссию. Традиция постанковки крестов продолжается. В течение последних 20 лет работы кресторезной мастерской Соловецкого монастыря было установлено 25 крестов от 6 до 12 метров.

В ходе исследования установлено, что культовая архитектура Поморья послужила фактором адаптивного механизма освоения и организации жизненного пространства и сакрального ландшафта для русского населения в Арктике. Поморские храмы и кресты выступали навигационными знаками, которые были нанесены на лоцманские карты. Символом единения религиозного и морского знака служит единственный в России храм-маяк – церковь Вознесения (1862) на Секирной горе на Большом Соловецком острове.

Принятые сокращения:

АГВ – Архангельские губернские ведомости.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

Библиографический список

1. Акты археографической экспедиции. – СПб., 1836. – Т. 1. – № 211.
2. Бернштам, Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. [Текст] / Т. А. Бернштам. – Л.: Наука, 1983. – 233 с.
3. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 535; Д. 1023; Д. 1747.
4. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 535.
5. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 1747
6. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 289–297.
7. Куратов, А. А. Поморья [Текст] / А. А. Куратов // Поморская энциклопедия : в 5 т. – Т. 1: История Архангельского Севера. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2001. – 483 с.
8. Лихачев, Д. С. Русская культура [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
9. Лукин, Ю. Ф. Пространство северных территорий [Текст] / Ю. Ф. Лукин // Северное регионоведение в современной регионологии. – Архангельск : ПГУ, 2005. – С. 64–108.
10. Лукин, Ю. Ф. Великий передел Арктики. [Текст] / Ю. Ф. Лукин. – Архангельск : САФУ, 2010. – 400 с. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера [Текст] / А. Б. Пермиловская. – Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; 2013. – 608 с.

11. Пермиловская, А. Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст] / А. Б. Пермиловская // Арктика. Наука в минус сорок : сборник статей // А. Б. Цетлин, Е. Д. Краснова (ред.). – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – С. 95–111.

12. Пермиловская, А. Б. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XIX – начало XXI века): колл. науч. моногр. [Текст] / Е. Ф. Фурсова, А. Б. Пермиловская А. В., Черных и др. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. – 296 с.

13. Тюлений промысел в пределах Мезенского уезда // АГВ. – 1901. – № 29–66.

Bibliograficheskiy spisok

1. Akty arheograficheskoy jekspedicii. – SPb., 1836. – T. 1. – № 211.
2. Bernshtam, T. A. Russkaja narodnaja kul'tura Pomor'ja v XIX – nachale XX v. [Tekst] / T. A. Bernshtam. – L.: Nauka, 1983. – 233 s.
3. GAAO. F. 29. Op. 4, t. 3. D. 535; D. 1023; D. 1747.
4. GAAO. F. 29. Op. 4, t. 3. D. 535.
5. GAAO. F. 29. Op. 4, t. 3. D. 1747
6. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2011. – S. 289–297.
7. Kuratov, A. A. Pomory [Tekst] / A. A. Kuratov // Pomorskaja jenciklopedija : v 5 t. – T. 1: Istorija Arhangel'skogo Severa. – Arhangel'sk : Pomorskij gos. un-t, 2001. – 483 s.
8. Lihachev, D. S. Russkaja kul'tura [Tekst] / D. S. Lihachev. – M.: Iskusstvo, 2000. – 440 s.
9. Lukin, Ju. F. Prostranstvo severnyh territorij [Tekst] / Ju. F. Lukin // Severnoe regionovedenie v sovremennoj regionologii. – Arhangel'sk : PGU, 2005. – S. 64–108.
10. Lukin, Ju. F. Velikij peredel Arktiki. [Tekst] / Ju. F. Lukin. – Arhangel'sk : SAFU, 2010. – 400 s.
11. Permilovskaja, A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa [Tekst] / A. B. Permilovskaja. – Ekaterinburg: UrO RAN; Arhangel'sk: OAO «IPP «Pravda Severa»; Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo; 2013. – 608 s.
12. Permilovskaja, A. B. Russkij Sever kak osobaja territorija nasledija [Tekst] / A. B. Permilovskaja // Arktika. Nauka v minus sorok : sbornik statej // A. B. Cetlin, E. D. Krasnova (red.). – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2014. – S. 95–111.
13. Permilovskaja, A. B. Sibir' i Russkij Sever: problemy migracij i jetnokul'turnyh vzaimodejstvij (XIX – nachalo XXI veka) : koll. nauch. monogr. [Tekst] / E. F. Fursova, A. B. Permilovskaja A. V., Chernyh i dr. – Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2014. – 296 s.
14. Tjulenijskiy promysel v predelah Mезenskogo uезда // AGV. – 1901. – № 29–66.